

ПРЕДИСЛОВИЕ

О блокаде много было сказано, много показано и многое скрыто или искажено. Самые точные и правдивые слова о жителях блокадного города сказал Д. С. Лихачев: «Они не герои, они мученики». Каждого блокадника, получившего сполна от блокады, слова о героизме только раздражают, есть другое слово, более подходящее случаю, — «трагедия».

Много лет спустя одна из моих сотрудниц на работе, когда в очередной раз завели разговор о героизме жителей блокадного города, с возмущением заявила: «Да мы не геройствовали, мы голодали и умирали».

Вот именно так оно и было, особенно в период с осени 1941 года до лета 1942 года, когда город был завален трупами.

Расхождение между оценками событий официальными лицами и тем, что происходило в городе на самом

деле, подтолкнуло меня к этим письменным воспоминаниям.

Возможно, моим молодым родственникам или их потомкам захочется узнать истину о жизни людей в блокаде — о том, что происходило в городе.

Когда началась война, мне было тринадцать с половиной лет. Помню все, в том числе и свои ощущения от этих трагических событий.

НАША СЕМЬЯ ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Наша семья состояла из восьми человек — родителей и нас, их шестерых детей. Кроме старшей сестры Анны (она уже работала) и младшей Любы, все учились. Мама была домохозяйкой, отец работал много, мы его видели редко. Но в эти редкие моменты он повторял одни и те же слова: «Учитесь, пока я жив!»

Вот такое у него было желание! У него — человека с профессией рабочего. Сам он, оставшись без родителей в восемь лет, нигде и никогда не учился. Его родители ушли из жизни в течение полугода. Будучи человеком смышленным, он научился читать (по слогам), а вот по части считать в уме — равных ему не было.

До революции при покупке товаров учитывались не только полностью монеты, но и половинки и даже четвертинки (копейка, полкопейки, четверть копейки). Так вот, по воспоминаниям

мамы, отца никогда и никто не мог об-
считать. Он так натренировал себя,
что, когда пришло время старшему
брату Сергею осваивать логарифми-
ческую линейку, отец предложил ему
соревнование, кто быстрее и точнее
окажется. Я была свидетелем победы
отца. Это было удивительно! Сергей
принялся проверять точность умно-
жения и деления — все было безоши-
бочно! Такая вот природная способ-
ность считать в уме.

Не имея никакой теоретической
подготовки, отец досконально освоил
такое технически серьезное дело, как
«Котлы». Его часто приглашали туда,
где появлялась необходимость опре-
делить причину неполадки и устра-
нить ее.

И в игре в шашки равных ему не
было: минимум ходов, и вся доска в «со-
ртирах» для противника. Если бы его
в свое время познакомили с шахмата-
ми, он и эту игру освоил бы не хуже.

Отец, не имея образования, страст-
но хотел, чтобы мы его получили, и мы
учились легко и хорошо, к зубреж-
кам не прибегали. Шпаргалки слу-

чались, у меня точно были иногда. Но вот пользоваться ими необходимости не появлялось. Составление шпаргалок — пожалуй, вещь полезная: лучше усваивается материал и в нужный момент срабатывает еще и зрительная память.

Нашей успешной учебе отец радовался и очень нами гордился. Перед Новым, 1937 годом, предприятие, где он работал, организовало для детей сотрудников такую акцию: надо было представить табели об успеваемости, и отец вернулся с работы с подарками для каждого из нас. И опять мы услышали: «Учитесь, учитесь, пока я жив!» (Увы, доучиваться нам пришлось уже без папы, кто как мог. Я — в вечернее время. Папа умер 10 января 1942 года.)

Ну а подарки, которые мы получили от папиной организации, по тому времени были ценными. Старшему брату Сергею и сестре Маше — коньки. Младшему брату Шурику — конструктор, ну а мне куклу с закрывающимися глазами.

Все были рады и с упоением осваивали подаренное.

Маша, как более ловкая, быстро научилась кататься на хоккейных коньках и гоняла уже на большом катке.

А вот Сергей, получивший не хоккейные, а беговые коньки, так и не добрался до настоящего катка. Сначала попытался встать на коньки в нашем дворе. Выглядело это забавно. Вечером, когда людей на улице уже мало, Маша занимала наблюдательную позицию у ворот, то есть была на «шухере», а Сергей старательно ковылял на своих беговых. Как только кто-то появлялся у ворот со стороны улицы, Маша подавала сигнал, и Сергей быстро прятался в парадной. Освоить конькобежный спорт ему так и не удалось: беговые — это не хоккейные коньки, тут, видимо, необходим был тренер и хороший лед, а не снегом засыпанный двор.

Ну, а мы с Шуриком тем временем наслаждались своими подарками, каждый в своем углу: он без устали что-то строил, конструировал, а я так же без устали шила кукле наряды.

Это одно из приятных предвоенных воспоминаний, и не единствен-

ное. Были ведь еще и дворовые забавы. Мы, ребяташки, с удовольствием покидали свои переполненные коммунальные квартиры и играли во дворе кто во что: «казаки-разбойники», прыгать через веревочку — двое крутили веревку, а остальные по очереди прыгали, стараясь не задеть ее ногами. Для девочек особое удовольствие — это игра в «котлы»: на земле или на асфальте рисовали мелом квадраты и, прыгая на одной ноге, перемещали битку из одной клетки в другую. Если битка попадала на меловую линию, участник прекращал двигать битку, а другой пытался сделать то же самое. Выигрывал тот, кто первый достигал последней полукруглой клетки, называемой «котлом».

А вот еще одна игра — «штандер-стоп». Один из игроков высоко бросал вверх мяч, а остальные быстро разбежались, как можно дальше от бросающего. Поймав мяч, он громко кричал «стоп». Все останавливались. Бросающий пытался мячом попасть в кого-нибудь, и если это ему удавалось, то бросать (или водить) приходилось